

2019 – 2020 учебный год
**Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)
11 класс**

Задание 1 (аналитическое)

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1

**Ирина Полянская
Утюжок и мороженое**

Как только они принялись за свое, бабушка усадила Риту и громким голосом стала читать ей вслух “Квартеронку”. Я, с раздвоенным, как жало у змеи, слухом, стояла в коридоре. “Разве я тебя не предупреждал?” — гремел отец. “Молчи и не лезь не в свое дело!” — взвизгивала мама. “...легкое видение возникло у моего изголовья...” — дребезжащим голосом читала бабушка. Сестра прислушивалась к крикам из соседней комнаты, и лицо у нее было сонное, а бабушка продолжала читать своим неискренним, слабым голосом. Мама за стеной швырнула об пол чашку с чаем, раскаленная лава перелилась через порог и хлынула в нашу комнату. Рита подобрала ноги. Бабушка прежде демонстративно закладывала уши ватой, едва они только начинали кричать, и я, когда была маленькой, как Рита, косилась на нее в неприязненном и напрасном ожидании, что она вот-вот вмешается и скажет наконец свое веское взрослое слово, но потом поняла, что нет у нее в запасе заветного слова, она только делает вид, что обладает властью, к которой, чуть что, может прибегнуть, и что на самом деле она беспомощна, как мы с Ритой... Но в последнее время бабушка позабыла про вату, потому что у нее появилась забота поважнее: не дать заснуть Рите, которая по крутым выражам враждующих голосов, как по перилам, соскальзывала в летаргию, будто Морфей дул ей в уши, заглушая вопли за стеной и смораживая длинные Ритины ресницы.

Может, она и прежде впадала в спячку под бурный аккомпанемент родительских ссор, но заметили это только после случая с утюжком, привезенным отцом ей в подарок из Москвы, который Рита, зарабатывая авторитет во дворе, подарила Галинке. Никто, кроме меня, не знал, чем была для нее эта Галинка, а наши родители вряд ли даже подозревали о ее существовании. Я думаю, что никто потом не имел над Ритой такой безоговорочной власти, какую имела Галинка, которую в городке, куда мы переехали, почитала вся мелкота, потому что она была веселая, ловкая, быстрее всех бегала, выше всех прыгала, и вообще все у нее получалось лучше, чем у других. Переехав сюда, мы долго чувствовали себя одинокими, но Рита сориентировалась раньше меня, проявила волю и настойчивость в обживании новых пространств и покорении новых людей, точно надеялась там, во дворе, создать себе другую, дружную семью, свить гнездо где-нибудь под грибком или в песочнице, потому что по нашему родительскому дому то и дело пролетали ураганы семейных ссор, выдувая остатки тепла, и ничего живого там уже не могло вырасти.

Скоро ее стали вызывать со двора новые друзья. Она выходила на балкон, как королева к своему народу, в гордом сознании, что без нее ни одна стоящая игра не заладится. Далеко не

всегда долгие унижительные просьбы отпустить ее во двор увенчивались успехом, поскольку отец не терпел пустого времяпрепровождения. Рита выходила на крыльцо с невозмутимым видом, точно замешкалась по причине собственной занятости, как Галинка, обучавшая своего кота подавать ей лапку. Вот и Рита выходила, потягиваясь, лениво щуря глаза, тогда как все ее существо пело от радости, разве что без горбушки с солью, потому что горбушка была бы явным перебором, а Рита в невидимом споре с отцом выверяла свои возможности до миллиметра, чтобы не сорваться, она была очень осмотрительной девочкой. Если светило солнце — королевой была Галинка, она лучше всех играла в классики и в вышибалы, но в ненастные дни она уступала свое первенство Рите, которая интересно пересказывала прочитанные ей бабушкой книги и выдумывала страшные истории: тут уж Галинка скромно сидела на скамейке рядом со всеми, вытягивая шею, чтобы лучше видеть Риту через головы других. Когда же отец не поддавался на ее уговоры, всегда очень дипломатичные и умные (стараясь угодить ему, Рита отпрашивалась “немного разгрузить позвоночник” или “собрать гербарий”, то есть погулять с пользой), — она опять-таки собиралась с силами и выходила на балкон, чтобы сообщить ожидающей ее публике, что гулять у нее нынче нет настроения.

Меня на такие хитрости не хватало. Я была прямолинейной, вся в отца, и на его отказ отпустить меня на улицу отвечала сдавленным воем; на его вопрос, какое кино мне хотелось бы посмотреть, честно отвечала: “Фантомас разбушевался”, тогда как ясно было как божий день, что надо было назвать “Королевство кривых зеркал”, поучительную сказку для таких, как я, детей. Временами я презирала смекалистую и лживую Риту, которая все же в итоге была сокрушительно побеждена бесхитростным отцом, и нечаянным орудием отцовской победы явился тот самый утюжок...

Рита его подарила Галинке. Подарила так просто, будто имела полное право распорядиться утюжком по своему усмотрению; подарила с таким видом, будто могла в перспективе преподнести Галинке весь наш дом, а уж утюжок с красной лампочкой на ручке — такая мелочь, что и “спасибо” не стоит. Галинка, ничего не подозревая, взяла утюжок, который Рита проводила глазами, полными отчаяния, ибо знала, не могла не знать, что ей будет от отца, когда он дознается об этом. Галинка немного поиграла утюжком и в тот же вечер о нем и забыла, а Рита после этого долго не могла заснуть, вертелась и кряхтела, придумывая себе болезнь, которая оттянула бы час расплаты, а днем старалась не попадаться папе на глаза и с неделю жила в таком непролазном страхе, что, когда отец вдруг вспомнил про утюжок и гром наконец разразился над ее отчаянной головушкой, она испытала, наверное, что-то вроде облегчения.

Я вернулась из школы и сразу увидела, что Рита стоит в эпицентре землетрясения, а над ней неколебимо, как скала, в праведном гневе навис отец и допытывается, где утюжок, который папа привез из столицы нашей Родины: он в такие минуты предпочитал говорить о себе в третьем лице, как бы устранившись от бури, им вызванной, как бы ставя себя судьей между недоброй, рассеянной девочкой и ее заботливым папой. Рита стояла, вобрав голову в плечи, хотя ее еще и пальцем не тронули, вздрагивала от раскатов его голоса, и тут я решила ее спасти...

Честно говоря, не о Ритином спасении думала я в ту минуту — меня тошнило от ее расчетливой хитрости и к тому же я помнила завет нашего молодого любимого учителя истории, который, как-то подкравшись к моей парте, когда я давала списывать соседке основные даты пугачевского восстания, прогремел мне в ухо: “Каждый умирает в одиночку”. Но тут я захотела вдруг почувствовать себя Ритой, поставить на себе опыт, провести эксперимент и выяснить, что бывает, если человек проявит смекалку. Я выступила вперед и *детским* голосом, косноязычно путаясь в словах, как малый ребенок, сказала:

— Папочка, прости меня, пожалуйста. Мы с Риточкой вчера игрались утюжком, и тут пришла Зина Зимина спросить, что задано по алгебре, потому что она болела, и сказала: “Ой, откуда у вас такой чудесный утюжок?”. Рита ответила ей: “Этот утюжок привез нам папа из

Москвы”. Зина сказала: “Ой, а можно я покажу его своему папе, чтобы он тоже привез мне из Москвы такой же точно — с лампочкой?”. Я знала, что без спроса нельзя давать вещи, но дело в том, что мамы и бабушки не было дома, а ты пошел в кабинет работать и попросил тебя не беспокоить...

Я произнесла все это на одном дыхании, как по наитию, но потом, анализируя свою речь, поняла, что ничего не упустила, точно слова мне подсказывал кто-то очень умный. Все было выверено до последней буквы: и упоминание Зинки, дочери папиного начальника, которую мы не выносили, и намек на перенесенную ею болезнь, и нежелание беспокоить папу по такому пустяку; легкая лесть в папин адрес продувала насквозь эту тираду и могла смягчить его слух...

Тут я на собственном опыте убедилась, какая чудесная штука неправда, потому что лицо отца разгладилось, и его большая ладонь улеглась на голову Риты, гася бурю... Я, не мешкая ни минуты, выскользнула из дома и понеслась к Галинке. Я знала: для Риты будет страшным унижением, если я потребую у Галинки ее подарок обратно, но выбирать было не из чего. Галинки не оказалось дома. Я пролепетала ее матери про утюжок; видимо, в лице моем было больше убедительности, чем в словах, потому что, не дослушав, она посторонилась и указала мне на коробку с игрушками. Я нырнула в нее с головой и на самом дне обнаружила утюжок. Забыв поблагодарить, метнулась на лестницу, на ходу протирая утюжок платком, вознеслась на наш этаж и предъявила его отцу. “Хорошо, хорошо”, — рассеянно сказал он, продолжая печатать на машинке.

Для него этот утюжок был небольшим, имеющим воспитательное значение эпизодом. Ему в голову прийти не могло, что утюжок железным катком прокатится вдоль всей Ритиной жизни, выдавив из моей сестры ее осмотрительность и смекалку, что, сколько бы ее судьба ни разматывала свой свиток, на нем все равно можно будет углядеть след утюжка, и в дальнейшем, переняв хваленую житейскую мудрость у Риты, я ничем не смогу ей помочь. Утюжок сделал свое железное дело.

Изобразив на лице равнодушие, как будто победа над отцом ничего мне не стоила, я вошла в нашу комнату и увидела, что Рита сидит на кровати, раскачиваясь взад-вперед. Я подседа к ней и прошептала: “Все в порядке, вот утюжок”. Но Рита с зажмуренными глазами продолжала раскачиваться. И тогда я сказала: “Послушай, Галинка и не вспомнит про утюжок, ее не было дома”. Рита с осоловевшими глазами сдернула с подушки накидку и повалилась в постель, и проспала до вечера; она спала так крепко, что ее насилу добудились, чтобы она почистила на ночь зубы. На другой день ее отпустили погулять, но она молча затрясла головой. Со двора дружно кричали: “Рит, выходи!”, но Рита не вышла и на балкон. Рита стала гулять с папой в парке, ходила за ним как приклеенная, но, когда они с мамой затевали перебранку, она вдруг начинала впадать в спячку, и бабушка как-то обратила на это внимание и стала бояться, как бы внучка ненароком не заснула навеки, поэтому в тот день, когда мама разбила об пол чашку с чаем, как только моя сестра принялась сомнамбулически раскачиваться на кровати, бабушка захлопнула “Квартеронку”, и мы с нею вдвоем вывели Риту за руки на лестницу.

Мы оставили поле брани: я съехала по перилам, бабушка, ощупывая ступеньки палочкой, свела вниз Риту. На улице мы с бабушкой, как воспитанные гости, нечаянно нарвавшиеся на скандал хозяев, заговорили на отвлеченные темы.

Наш молодой город расширял свои богатырские плечи на Жигулевских горах. Он был совсем новый, крепкий, как орешек. Бабушка грустно заметила, что в молодом городе хорошо жить молодым, и наклонилась, чтобы понюхать розовый куст, пенящийся из палисадника. В городе было много зелени, цветов, глядящих с круглых и прямоугольных клумб. Как люди, они селились отдельными колониями. Поскольку городская знать и первостроители жили в центре, городскую площадь венчали чистопородные розы. Вдоль главной улицы бодро гарцевали бордовые георгины, махровые астры, по другим улицам растекались маргаритки,

стояли на марше колонны гладиолусов, окраина дышала бархатками, сиренью и прочим цветочным люмпеном.

Мимо нас, перепрыгивая через газоны, пробежал наш озорной учитель истории, мимоходом поделив между мной и бабушкой кивок, весело осведомился: “Прогуливаем?”. “Что вы, что вы...” — любезно запротестовала бабушка, а я крикнула ему вслед: “Прогуливаем, да еще как!”, а бабушке мстительно сказала: “Нам бы с Риткой такого папку!”. Я нащупывала границы, в которых можно было держаться с ней теперь, после того как я поняла, что бабушка только и умеет, что затыкать уши ватой, а чтоб вступить за детей, так это дудки. И если она не ответит мне на эту реплику, значит, бабуля вправду слаба, перед ней можно на голове ходить. Но бабушка не могла промолчать, что, на мой взгляд, было бы достойней, не могла не сделать замечания, она перенесла акцент на другое. “Не Ритка, а Рита”, — машинально поправила она.

Мы пошли дальше мимо резвящихся девочек со звенящими, *детскими*, так любимыми отцом голосами, с большими детскими капроновыми бантами, светящимися на солнышке, с детскими царапинами на коленках. Рита едва переставляла ноги, и мы уселись на скамейку в парке. Бабушка снова сказала: “Как славно быть молодым в таком юном городе...”, а я презрительно хмыкнула, ибо терпеть не могла этот город и думала, что стоит мне вырваться отсюда, назад он нипочем меня не заманит, я всю жизнь буду вспоминать его, как дурной сон...

(...Тогда почему сейчас этот город то и дело вызывает меня к себе, кто из нас без кого не может обойтись? Зачем перелетает ко мне целыми улицами, отдельными скверами, усеченными конусами домов, которые на самом деле стояли в другом порядке, и я не могу отыскать дорогу в аптеку?.. А бывает — пробираешься по знакомой аллее сквозь туман и никак не можешь дойти до редакции газеты “Знамя коммунизма”, в которой бабушка публиковала свои смешные стихи. Снятся мне оба балкона нашего жилища: под одним частенько распевала свадьба, под другим медленно тянулись похороны. Во сне они меняются местами, я смотрю вниз и удивляюсь: в песочнице стоит похоронный оркестр, и у музыкантов, как на льду, разъезжаются ноги, а одна нота вдруг как запрыгает воробушком на теннисном столе!.. Еще бывает — весь город свертывается и утекает в какую-то подробность — в киоск с мороженым возле кинотеатра “ХХ партсъезд”. Рядом со мною сидят люди, которых я хочу угостить мороженым, но ни разу мне это не удалось: ищу мелочь в темном кармане до тех пор, пока сама не закачусь в эту тьму, а потом грустно стою на почте и отправляю немного денег Рите и ничего бабушке, потому что и во сне, и наяву помню, что в той стране, где она теперь обитает, деньги недействительны...)

Мы сидели напротив “ХХ партсъезда”, разминая в пальцах головки львиного зева, и вдруг бабушка произнесла:

— Вот новость! Будка работает! Мороженое продают. Сто лет не ела мороженое!

Сестра оживилась. Мы подошли к будке и встали у самого окошка: и правда — в холодных длинных бидонах было мороженое, и незнакомая продавщица разрезала ножницами упаковку хрустящих стаканчиков. Бабушка, прислонив палочку к будке, захлопала руками по карманам, но, как всегда, оказалось, что кошелек остался дома. И они обе, Рита и бабушка, с надеждой посмотрели на меня. Я смотрела в сторону, стараясь не брэнчать в кармане своей мелочью. Мои денежки тоже затаили дыхание. Бабушка сказала:

— Я отдам тебе дома.

Но я больше ей не верила. Она не любила отдавать долги: бывало, купишь им с Риткой подушечек на свои, сэкономленные в школе, а потом бабушка говорит, что отдала всю пенсию маме, да еще громогласно удивляется, чтобы услышал отец — зачем, мол, тебе деньги? А я копила на одну очень нужную вещь, каждый день бегала в магазин посмотреть, не раскупили ли уже.

Рита дернула меня за рукав, но я отвернулась. Дело было не только в той вещи, на которую я копила деньги. Я стояла и думала: а живите вы все, как хотите! мне никто не

помогает, когда отец таскает меня за волосы, никто не вступится, будто так и надо, чтоб он тыкал меня носом в мою непонятную вину... Катитесь вы! Я, бывало, обливаюсь слезами, Ритка мирно спит, а бабушка говорит: “Ты сегодня вбила еще один гвоздь в гроб отца!”, мама — та лишь молча приносит мне в кровать мокрое полотенце. Каждый существует в своей норе, хочешь жить — умей вертеться, говорит наш молодой учитель как бы шутя, но я знаю, вижу их всех теперь насквозь — и он не шутит, он думает так, у него вера такая, что каждый умирает в одиночку. Каждый крутится, как умеет, и нечего смотреть на меня жалобными глазами!

Я обернулась к ним, чтобы объяснить, почему не могу расстаться со своими деньгами, и тут вдруг удивилась их неожиданному сходству... Они смотрели на меня с одинаковым выражением лиц, круглыми детскими глазами, в которых не было никакой хитрости, одно лишь желание полакомиться мороженым. Они смотрели на меня, как бы заранее облизываясь. И я плотней прижала ко дну кармана мои денежки, чтобы они ненароком не высвободились и не ушли от меня, как и вновь обретенная житейская мудрость, и в тот день не купила им мороженое.

Ирина Николаевна Полянская (1952-2004) – русская писательница, лауреат премии журнала «Новый мир» в 1997 году, финалист премии «Русский Букер» в 1998 г., лауреат премии им. Юрия Казакова в 2003 г.

Опорные вопросы:

- Каким изображен дом героев в рассказе?
- Рассмотрите, как развиваются события: меняется ли что-то в жизни персонажей или нет в результате случая с утюжком? Почему в названии произведения «утюжок» соединён с «мороженым»?
- Какую художественную и смысловую функцию в произведении И. Полянской выполняют стилистически высокие слова и выражения («поле брани» и другие подобные)?
- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в истории, но и к тому, **как** она рассказывается. Что попадает в «кадр зрения» рассказчицы в разных эпизодах и какое восприятие событий передаётся благодаря такой компоновке деталей? Какие речевые особенности характерны для рассказчицы? Как они помогают представить описываемые события и определить ее отношение к этим событиям?

Вариант 2

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения.

Александр Кушнер (род. в 1936 г.)

Руины

Для полного блаженства не хватало
Руин, их потому и возводили
В аллеях из такого матерьяла,
Чтобы они на хаос походили,
Из мрамора, из праха, из развала,
Гранитной кладки и кирпичной пыли.

И нравилось, взобравшись на обломок,
Стоять на нём, вздыхая сокрушённо.
Средь северных разбавленных потёмок
Всплывал мираж Микен и Парфенона.
Татарских орд припудренный потомок
И Фельтена ценил, и Камерона.

Когда бы знать могли они, какие
Увидит мир гробы и разрушенья!
Я помню с детства остовы нагие,
Застывший горя лик без выраженья.
Руины... Пусть любят другие,
Как бузина цветёт средь запустенья.

Я помню те разбитые кварталы
И ржавых балок крен и провисанье.
Как вы страшны, бывшие идеалы,
Как вы горьки, любовные прощанья,
И старых дружб мгновенные обвалы,
Отчаянья и разочарованья!

Вот человек, похожий на руину.
Зияние в его глазах развёрстых.
Такую брешь, и рану, и лавину
Не встретишь ты ни в Дрездене, ни в Брестах.
И дом постыл разрушенному сыну,
И нет ему забвения в разъездах.

Друзья мои, держитесь за перила,
За этот куст, за живопись, за строчку,
За лучшее, что с нами в жизни было,
За сбивчивость беды и проволочку,
А этот храм не молния разбила,
Он так задуман был. Поставим точку.

В развале этом, правильно-дотошном,
Зачем искать другой, кроваво-ржавый?
Мы знаем, где искать руины: в прошлом.
А будущее ни при чём, пожалуй.
Сгинь, призрак рваный, в мареве сполошном!
Останься здесь, но детскою забавой.

Опорные вопросы:

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения А. Кушнера: изображение субъекта лирического высказывания и объекта его переживания в стихотворении; как строится сюжет переживания в стихотворении А. Кушнера, средства звуковой изобразительности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, строфика и рифмика. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое)

Во время обсуждения в «Мастерской Поэзии» возник спор: эти тексты, опубликованные в сборнике произведений современных поэтов, стихотворения или нет? Хотя их трудно было читать даже «про себя», участники «Мастерской» попробовали прочесть их вслух, сохраняя традиционные паузы в конце стихотворных строк и ритм. Все спорили о непонятных словах (или это просто сочетания букв?) внутри каждого из этих текстов. Потом кому-то пришло в

голову посмотреть на клавиатуру компьютера, и все поняли, что непонятные слова образованы сочетанием букв в разных рядах русской клавиатурной раскладки. Тогда ведущий «Мастерской» поставил перед участниками несколько вопросов: введенные в контекст стихотворения буквы стали словами? стали ли они художественными образами? Или они остались за рамками стихотворения – чем-то вроде случайной печати, итогом бессмысленного прикосновения к клавиатуре компьютера? Один из участников «Мастерской» предположил, что в данном случае мы видим, как технология написания поэтических произведений повлияла на содержание поэтических текстов.

Вот цитаты из этих стихотворений:

1) Зачем же нам тогда йцукен и фыва:

держишь, мой друг, одежды и хлебов
ведь прошумел Орфей неторопливо
к заупокойной младости готов. [Андрей Поляков, 2001]

2) Свети, ячсмить, свети.

Лети, фыва, лети.
Катись, пролджэ, катись,
Гори, йцукенг, гори.
Над синим огнем ресторана плавают красные лица.
Под быстрым наддувом зюйд-веста болит моя поясница.
Беги, мой йцукенг, беги.
Беги вдогонку словам
Под быстрым наддувом ветра рушится мой вигвам
Вращайся, мой пролджэ, сильнее,
Вращайся вокруг себя,
Так, чтобы столбики быстро.
Так, чтобы зубы скрипя. [Рома Воронежский, 1998]

ЗАДАНИЕ:

Представьте, что вы – начинающий поэт или человек, интересующийся современной поэзией, участник «Мастерской Поэзии». Напишите связный текст (объемом не менее 70 слов), в котором дайте свои аргументированные ответы на вопросы участников «Мастерской»: эти тексты являются стихотворениями или нет? Непонятные сочетания букв - это словесные образы, включенные в контекст стихотворения, или недочет автора? Включены ли эти слова в ритмико-интонационный и рифменный рисунок строф? Как изменяется содержание каждого стихотворения из-за присутствия в них этих слов? Если это художественный приём, то как он действует? Встречались ли вам в русской литературе поэтические произведения, чем-то похожие на эти стихотворения?